

ИСТОРИЧЕСКИЕ «ЭКСКУРСЫ» г-на Б. СИГБАНА В РУССКО-ШВЕДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ XVIII в. И РЕАЛЬНЫЕ ФАКТЫ ИСТОРИИ

Г. А. НЕКРАСОВ

Давно отгремели громы Полтавской «баталии» и прочих блестящих «викторий» России в Северной войне. Давно уже превратился из орудия реальной политики в предмет научных исследований важнейший исторический документ, зафиксировавший успехи русской политики и дипломатии XVIII в. — Ништадтский договор 1721 г. Тем удивительнее является гальванизация давно умолкнувших страстей вокруг этого документа, которой с некоторых пор начинает заниматься современная шведская дипломатия. Мы имеем в виду статью шведского официального лица — заведующего первой секцией политического отдела шведского МИД — Бу Сигбана в газете «Svenska Dagbladet» от 13 марта 1961 г. под интригующим заголовком «Шведско-русское соглашение о невмешательстве»¹. Уже сама постановка вопроса о «невмешательстве» России в дела Швеции настораживает читателя и выявляет стремление автора к определенной тенденциозности.

Укажем сразу же, что трактовка Б. Сигбаном статьи VII Ништадтского договора как «соглашения о невмешательстве» России во внутренние дела Швеции является антиисторичной и ошибочной, ибо никогда такого особого соглашения Россия со Швецией не заключала².

Каждый историк знает, что вмешательство «великих» и «малых» держав в XVIII в. во внутренние (как тогда говорили, в «домашние») дела других государств было повседневной практикой международной жизни, обычным средством воздействия на политику соседних государств³. Для феодальных и феодально-абсолютистских государств вмешательство во внутренние дела друг друга являлось общепринятой нормой поведения.

Хотя Б. Сигбан декларативно и высказывает верную мысль о том, что «представление о суверенитете страны и его объеме в XVIII в. было совершенно иным, чем сейчас», но на деле он не придерживается этого положения и вкладывает в историю прошлого «современное толкование». Вместо того, чтобы понять и оценить исторические явления с точки зрения тех условий и обстоятельств, которые их породили, Б. Сигбан модернизирует, а следовательно, и искажает историю. Поскольку понятие о суверенитете страны в XVIII в. было совершенно

¹ Bo Siegbahn. Ett svensk-ryskt noninterventionsavtal, «Svenska Dagbladet». 13.V.1961. В дальнейшем цитируем статью Б. Сигбана без ссылок.

² Впрочем, автор названной статьи и в ряде других случаев довольно небрежно обращается с историей прошлого: так, Б. Сигбан многократно ошибочно называет Елизавету Петровну Екатериной II и путает двух братьев Бестужевых-Рюминых, один из которых, Михаил Петрович, был посланником в Швеции, а другой, Алексей Петрович, — в Дании (в царствование Елизаветы он стал канцлером России).

³ «История дипломатии», т. I, М., 1941, стр. 275.

инным, чем в наше время, то шведскому дипломату не следовало бы проявлять непоследовательность в применении и истолковании этого тезиса и перебрасывать скользкий мостик аналогии с современностью. Международное право на протяжении веков изменялось и то, что в XVIII в. было естественным и допустимым, то стало абсолютно неприемлемым в наше время.

Мы, разумеется, не собираемся отрицать общеизвестных фактов вмешательства царской России в XVIII в. в дела Швеции и вполне согласны с Б. Сигбаном, когда он говорит, что «в течение всей „эпохи свободы“⁴ время от времени активизировалась деятельность дипломатов, аккредитованных в Швеции, что в современном толковании⁵ может быть охарактеризовано лишь как квалифицированное вмешательство в наши (шведские.— Г. Н.) внутренние дела. Действующими лицами были русские, французские и британские послы». Мы полагаем, что автору следовало бы еще увеличить список иностранных дипломатов, беззастенчиво вмешивавшихся во внутренние дела Швеции, за счет голштинских, ганноверских, гессен-кассельских, прусских и датских посланников.

Справедливость, однако, требует сказать, что и дипломаты самой феодально-дворянской Швеции не отставали в этом отношении от своих западно-европейских коллег и тоже, в свою очередь, вмешивались в XVIII в. во внутренние дела России, Польши и других стран⁶. Широко известны, например, интриги шведского посланника Э. М. Нолькена и французского посланника Ж. Шетарди при возведении на русский престол Елизаветы Петровны и участие австрийского посланника Ботта д'Адорно в заговоре против Елизаветы Петровны в пользу Ивана Антоновича⁷. По Стокгольмскому союзному договору 1724 г. Швеция обязалась совместно с Россией гарантировать государственное устройство польской дворянской «республики». Словом, вся дипломатическая практика периода феодализма предполагала вмешательство в «домашние» дела других государств.

Отнюдь не собираясь защищать завоевательных тенденций внешней политики царской России XVIII в., мы считаем, однако, нелишним упомянуть, что царская Россия в данном конкретном случае вмешивалась во внутренние дела феодальной Швеции XVIII в. в интересах мира, а не войны. С другой стороны, Б. Сигбан в своей статье ни одним словом не обмолвился о том, что феодальная Швеция в XVIII в. вела агрессивную, захватническую политику в отношении России, неоднократно совершая уже после Ништадтского мира акты открытой агрессии против нее, как это было во время русско-шведских войн 1741—1743 гг. и 1788—1790 гг.

Предлагаемая нами статья ставит своей задачей на базе богатой документации советских архивов (куда согласно взаимной договоренности 1958 г. открыт доступ шведским историкам) и с привлечением русских и иностранных публикаций и историографии, раскрыть истинные основы русско-шведских отношений после Ништадтского мира.

Обращаясь к подлинным историческим источникам, возможно выяснить первоначальную интерпретацию статьи VII Ништадтского договора ее современниками, понять ее реальное историческое значение.

⁴ В шведской дворянско-буржуазной историографии период господства в Швеции феодально-дворянской олигархии с 1719 по 1772 гг. носит весьма условное название «эпохи свободы» или «эпохи правления риксдага».

⁵ Подчеркнуто нами.— Г. Н.

⁶ O. Jägerskiöld. Den svenska utrikespolitikens historia, 1721—1792, B. II: 2. Stockholm, 1957, S. 13—14.

⁷ И. Андерссон. История Швеции, М., 1951, стр. 267; «История дипломатии», т. I, стр. 280; «Очерки истории СССР» (вторая четверть XVIII в.), М., 1957, стр. 266, 410, 414.

В результате блестящих успехов русского оружия и дипломатии в Северной войне 1700—1721 гг. Россия получили богатые прибалтийские провинции, выход в Балтийское море и вернула обратно ряд исконных русских земель (Ингрию и др); она обеспечила себе возможность постоянных экономических, политических и культурных контактов с любым государством Европы. И хотя по Ништадтскому договору 1721 г. балтийская проблема в территориальном отношении была решена, однако она не потеряла своей актуальности и после окончания Северной войны. Международное положение России как великой европейской державы определялось в 20—40-х годах XVIII в. прежде всего прочностью и устойчивостью политических, экономических и военно-стратегических позиций, занимаемых ею на Балтийском море⁸.

Основной задачей русской политики в Швеции после Ништадтского мира было прочно закрепить за собой прибалтийские провинции и парализовать возможность новой шведской агрессии, имеющей целью пересмотр Ништадтского трактата. Главным средством для осуществления этой задачи русское правительство считало не только развитие дружественных отношений со Швецией, но и установление с нею непосредственного политического союза, который наряду с Ништадтским договором должен был послужить незыблемой основой безопасности северо-западных рубежей России и базой для укрепления ее положения в Европе⁹.

Руководящие начала политики русского правительства по отношению к Швеции в основных чертах наметились еще в ходе Северной войны, в 1718 г., во время Аландского мирного конгресса. На его заседаниях русские уполномоченные добивались не только примирения России со Швецией и урегулирования территориальных споров, но и подготавливали почву для заключения союзного трактата между договаривавшимися сторонами¹⁰. В инструктивном письме от 21 мая 1718 г. уполномоченному на Аландском конгрессе А. И. Остерману Петр I писал: «...Мы намерение имеем с короною швецкою не токмо сей мир учинить, но и вечною дружбою обязатца... чрез что не токмо можем себя безопасно от всех протчих учинить, но и баланс в Европе содержать и можем мы потом кого сами заблагодарим к себе в ту ж приязнь принять»¹¹.

По планам русского правительства примирение со Швецией должно было быть тесно увязано с другими русскими дипломатическими мероприятиями на международной арене: вслед за подписанием мира со Швецией предполагалось заключить русско-шведский союзный договор с перспективой присоединения к нему Франции и Пруссии.

Но русским дипломатическим замыслам 1718 г. не суждено было сбыться. Им нанесла удар англо-ганноверская дипломатия, склонившая французское правительство на свою сторону. В первых числах августа

⁸ Я. Я. Зутис. Балтийский вопрос в политике великих держав, «Историк-марксист», 1941, № 2, стр. 66.

⁹ АВПР, Сношения России со Швецией, 1723 г., № 18, лл. 50—51; Сношения России с Францией, 1726 г., № 4, л. 22; А. И. Остерман. Генеральное состояние дел и интересов всероссийских со всеми соседними и другими иностранными государствами в 1726 г., «Северный архив», 1828, № 1, стр. 21—25; М. А. Полиевктов. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721—1725), СПб., 1907, стр. 57.

¹⁰ «Очерки истории СССР» (первая четверть XVIII в.), М., 1954, стр. 579—581.

¹¹ ЦГАДА, Дела Аландского конгресса, 1718 г., № 1, лл. 82—83; № 3, лл. 45—46, оригинальный рескрипт Петра I к А. И. Остерману от 21 мая 1718 г. Аналогичное предложение Петра I о заключении союза со Швецией было передано в сентябре 1718 г. шведскому королю Карлу XII через военнопленного генерал-фельдмаршала графа К. Г. Рейншильда, отпущенного из России. АВПР, Сношения России со Швецией, 1723 г., № 4, лл. 57—60; ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. I, № 7, л. 123.

1718 г. был заключен «Четверной альянс» — союз Англии, Франции Австрии и Голландии, оторвавший Францию от России¹².

Изменение международной обстановки оказало влияние на исход аландских переговоров. Вследствие антирусских интриг английской дипломатии в Стокгольме (заключившей англо-шведский союз и обманчиво обещавшей шведскому правительству оказать помощь в борьбе против России) и по причине образования Четверного союза, на поддержку которого определенно рассчитывала Швеция, Аландский конгресс был сорван¹³.

Идея необходимости дружбы и союза со Швецией, сформулированная русским правительством еще во время аландских переговоров, и в главных чертах повторенная в 1721 г. на Ништадтском конгрессе, на протяжении всего XVIII в. была основой курса русского государства по отношению к Швеции. А мысль о создании новой «политической системы» в Европе, подразумевавшая одновременный союз России с Францией и Швецией, не покидала русскую дипломатию до конца 1725 г.¹⁴.

Характерной чертой внутреннего положения Швеции в то время являлась напряженная борьба различных политических группировок. Эта борьба, в значительной мере ослаблявшая силы феодального шведского государства¹⁵, осложняла политическую ситуацию и облегчала возможность вмешательства ряда европейских государств (Англии, Франции, России и др.) во внутренние дела Швеции¹⁶.

Главной опорой русского влияния в Швеции в 20-х годах XVIII в. являлась «голштинская» партия. Она была одной из самых многочисленных политических группировок и состояла из представителей титулованного дворянства и высшего генералитета. В области внутренней политики эта партия добивалась охраны дворянских «вольностей» и привилегий.

21 февраля 1719 г. шведское дворянство, введя новую форму правления — избирательное королевство, добилось ограничения власти короля сословным риксдагом и олигархическим феодально-аристократическим Государственным советом, который представлял собой правительство Швеции. Позднее королевская власть была еще более ограничена Королевской присягой Фредрика I («конституция» 2 мая 1720 г.) и постановлением риксдага 1723 г.¹⁷ В результате реформы государственного управления власть короля в Швеции приобрела номинальное значение и была сведена почти к нулю. Государственный совет, в состав которого входили различные дворянские политические группировки, ограничивал юрисдикцию короля и ставил своей главной задачей не допускать восстановления абсолютизма. Абсолютизм шведских королей на продолжительное время (до 1772 г.) был уничтожен. Это произошло в результате изменений в расстановке классовых сил в годы Северной войны: в это время значительно окрепла феодальная реакция, а позиции нарождающейся буржуазии были заметно подорваны. К тому же абсолютизм был сильно скомпрометирован грандиозным

¹² Х. Сорина. Аландский конгресс, «Вопросы истории», 1947, № 6, стр. 61—63, 67, 73.

¹³ Сб. РИО, т. 40, стр. LXXI; Х. Сорина. Указ. соч., стр. 51, 61—66, 71; Л. А. Никифоров. Русско-английские отношения в 1718—1719 гг. и Аландский конгресс, «Исторические записки», М., 1949, т. 30, стр. 270, 272—274, 276—277, 289, 291; С. А. Фейгина. Аландский конгресс, М., 1959, стр. 279—283, 289—290, 352.

¹⁴ А. И. Остерман. Указ. соч., стр. 21—25; М. А. Полиевктов. Указ. соч., стр. 57.

¹⁵ «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France», t. II, Paris, 1885, p. 305.

¹⁶ О. Jägerskiöld. Указ. соч., стр. 13—15.

¹⁷ АВПР, ф. 207— архив барона И.-Л. Любераса, № 110, форма правления Ульрики-Элеоноры от 21 февраля 1719 г. и Королевская присяга Фредрика I от 2 мая 1720 г. (на швед. яз.); АВПР, Сношения России со Швецией, 1723 г., № 6-а, л. 7.

поражением Швеции в Северной войне, вследствие чего авторитет короля в глазах господствующего класса упал¹⁸. В шведской истории начался период, называемый «эпохой свободы», явившийся на деле эпохой дворянской свободы.

Во многих вопросах голштинская партия имела общность взглядов с другой могущественной политической группировкой — партией «добрых патриотов» или просто «патриотов», возглавлявшейся видным государственным деятелем, премьер-министром (до 1738 г.) Арвидом Горном. Социальный опорой этой партии были широкие слои мелкого и среднего дворянства и верхушка буржуазии.

Самой немногочисленной политической группировкой в Швеции являлась королевская партия. Ее главными задачами были возрождение абсолютизма и упрочение шведского престола за гессен-кассельским домом. Королевскую партию поддерживали лишь отдельные представители дворянства, которые при прежних королях выдвинулись в число знати из неродовитых фамилий. Король и его приверженцы нередко пытались блокироваться и с депутатами риксдага от крестьянского сословия, представлявшими интересы зажиточной деревенской буржуазии; отчасти короля поддерживало духовенство.

Шведский король Фредрик I предпринимал попытки восстановления абсолютизма и ликвидации существующей формы правления. Когда на заседаниях риксдага в 1723 г. выявились стремления короля усилить свою власть, то партия «патриотов» и голштинская партия объединились и провалили планы Фредрика I.

Русская дипломатия в своей практической деятельности исходила из этих особенностей шведского государственного устройства, пыталась использовать внутривполитические противоречия в Швеции для достижения собственных целей.

Царская Россия в XVIII в. была заинтересована в сохранении слабой, раздираемой «партийной» борьбой и острыми внутренними противоречиями Швеции. В то время как у себя в стране царизм стремился к крепкой абсолютистской власти, на международной арене он в ряде случаев выступал против восстановления абсолютизма (в Швеции и в Польше). Направленный в декабре 1721 г. в Швецию для реализации русской внешнеполитической программы молодой талантливый дипломат М. П. Бестужев, сравнивая внутреннюю обстановку в Швеции с положением в шляхетской Польше, писал: «Как я вижу, здесь (в Швеции.— Г. Н.) самая Польша стала: всякой себе господин и подчиненные повелителей своих не слушают, и никакого порядка нет»¹⁹. Русские правящие круги, заинтересованные в сохранении шведской формы правления 1720 г.²⁰, считали, что пока она существует, «ни малюго опасения со стороны шведской» не имеется²¹.

Столкновение между дворянством и буржуазией («несогласие между чинами») в риксдаге в 1723 г. расценивалось русским дипломатическим ведомством как «дело великой важности и деликатства»²². Русское правительство сочувствовало шведскому дворянству в его борьбе за свои привилегии и «вольности» против претензий бюрге-

¹⁸ Г. А. Некрасов. Русско-шведские торговые отношения в связи с социально-экономическим положением Швеции после Ништадтского мира (по данным советских архивохранилищ), канд. дисс., М., 1949, стр. 258—260, 268—270.

¹⁹ АВПР, Сношения России со Швецией, 1722 г., № 6, лл. 1—2, реляция М. П. Бестужева от 6 января 1722 г. из Або.

²⁰ Там же, 1723 г., № 4, лл. 5—7, 9, 12, 105—106, рескрипты М. П. Бестужеву от 28 января, 23, 24 и 27 февраля и 18 октября 1723 г.

²¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», т. 18, стб. 735.

²² АВПР, Сношения России со Швецией, 1723 г., № 4, лл. 105—106, рескрипт М. П. Бестужеву от 18 октября 1723 г.

ров, а также не хотело усиления королевской власти в Швеции²³. И когда на заседаниях риксдага в 1723 г. голштинская партия блокировалась с партией «патриотов», то это обстоятельство не только сплотило враждебные Фредрику I силы, но вместе с тем и упрочило русское влияние в Стокгольме²⁴.

Возвращаясь к газетной статье шведского дипломата Б. Сигбана, мы должны согласиться с его замечанием, что «с русской точки зрения, сохранение господства сословий (в Швеции.—*Г. Н.*) представлялось самой надежной гарантией. Будучи далекой от того, чтобы представлять угрозу по отношению к шведской конституции (1720 г.—*Г. Н.*), Россия, таким образом, превратилась понемногу, вследствие хорошо понятных интересов, в ревностного поборника сохранения „эпохи свободы“».

Именно в силу перечисленных выше обстоятельств русское правительство охотно пошло навстречу предложениям шведской дипломатии о сохранении шведского государственного устройства, сделанным по ее инициативе на Ништадтском конгрессе в 1721 г.²⁵.

Выясняя обстановку появления статьи VII, следует заметить, что она была выдвинута по инициативе самих же шведов на Ништадтском конгрессе. Данного факта, между прочим, не отрицает и сам Б. Сигбан. Он прямо говорит, что эта статья трактата была предложена шведской стороной: «Государственный совет приказал (шведским.—*Г. Н.*) уполномоченным на Ништадтском конгрессе постараться ввести в мирный договор параграф, посредством которого царь обязался бы „никогда в ущерб королевскому величеству и Швеции и в колебание санкционированной формы правления, не входить ни в какие соглашения ни с герцогом голштинским, ни с кем-нибудь другим, а также ни прямо, ни косвенно, ни советом, ни делом не давать им ни малейшей поддержки, а царь наоборот должен заверять королевское величество и шведскую корону о том, что он скорее хочет подобному умыслу воспрепятствовать и разрушить его, чем способствовать и поощрять“» (подчеркнуто нами.—*Г. Н.*). Далее Б. Сигбан пишет, что «переговоры по этому пункту имели успех и та статья, которая была внесена в договор, совпадала в основных чертах с (шведской.—*Г. Н.*) инструкцией».

Действительно, сопоставляя цитированную Б. Сигбаном секретную инструкцию шведским уполномоченным на Ништадтском конгрессе, шведский проект статьи VII, предложенный на конгрессе русским представителем²⁶, и окончательную формулировку этой статьи в Ништадтском трактате, убеждаешься в их почти полном тождестве²⁷.

Но, вопреки своим же собственным признаниям, Б. Сигбан утверждает, что «неудачная формулировка» статьи VII «имела странные последствия», оказавшие влияние на отношения между Россией и Швецией в течение всего XVIII в. «То, чем шведская сторона,—пишет

²³ Там же.

²⁴ Там же, 1722 г., № 6, лл. 156, 163—164; 1723 г., № 6, лл. 68, 91—92, 145, 157, 217; № 6-а, лл. 46, 68, 75, 110, 127—130; № 7, лл. 31—38; № 20, лл. 8—10.

²⁵ Л. А. Никифоров. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир, М., 1959, стр. 398, 402, 425—428, 481.

²⁶ См. текст шведского проекта статьи VII (Л. А. Никифоров. Указ. соч., стр. 427—428).

²⁷ По просьбе русской стороны исключена была только та часть статьи VII, которая прямо или косвенно касалась требования об отказе России в помощи голштинскому герцогу. Стремление шведской дипломатии внести в договор статью о «невмешательстве» России во внутренние дела Швеции имело прежде всего в виду именно этот отказ Петра I от поддержки голштинского герцога и его притязаний на шведский престол. Однако это предложение шведов на Ништадтском конгрессе не было реализовано, и таким образом русская дипломатия сохранила за собой «свободу рук» в голштинском вопросе.

Б. Сигбан,— рассчитывала воспрепятствовать вмешательству в шведские государственные дела, русские попытались, как это иногда великие державы имеют привычку делать, использовать с большим искусством для того, чтобы направлять шведскую политику согласно своим желаниям».

Б. Сигбан заключает, что «при всех обстоятельствах» статья VII «была исключительно плохо сформулирована, и это дало толчок к различным ее толкованиям». Он отмечает, что уже вскоре после заключения Ништадтского мира «содержание статьи VII стало актуальным. И это произошло в той связи, которая сразу же указала на опасности статьи». Б. Сигбан явно пытается поставить под сомнение подлинное толкование статьи VII, которое ей давали шведские и русские дипломаты-современники и непосредственные ее авторы,— как гарантии Россией тогдашнего шведского государственного устройства, как обязательства русского правительства уважать и охранять существовавший тогда в Швеции строй и препятствовать его изменению в случае, если он будет нарушаться²⁸.

Правильность подобного толкования статьи VII²⁹ с русской стороны подтверждается не только дипломатическими документами 20—30-х годов XVIII в., но и тогдашней дипломатической практикой. В правительственном рескрипте М. П. Бестужеву от 28 января 1723 г. прямо указывалось, что Россия по статье VII обязалась поддерживать шведскую форму правления и в случае каких-либо изменений ее обещала свою помощь в ее сохранении³⁰.

В «Краткой и перечневой выписке» из Ништадтского трактата, составленной в Петербурге в Коллегии иностранных дел в августе 1723 г., статья VII сформулирована так: «России в шведские дела и в форму правительства и наследства не мешаться и в том никому не помогать, но по дружбе противное от того отвращать»³¹ (подчеркнуто нами.— Г. Н.).

Аналогичное толкование статьи VII приводится и в рескрипте Н. Ф. Головину от 10 декабря 1730 г. Там прямо говорится, что русские обязались по Ништадтскому договору к «содержанию» шведской формы правления «по собственному» требованию шведов³².

Возможность интерпретации статьи VII как гарантии шведского государственного устройства не исключает отчасти и Б. Сигбан. Он пишет, что во второй половине статьи VII царь Петр I «обещал попытаться воспрепятствовать и предотвратить «все, что может быть предпринято с целью изменения формы правления и способа престолонаследия»» (подчеркнуто нами.— Г. Н.). Поэтому текст статьи VII можно истолковать как «право для царя также простирает свою лояльность по отношению шведской конституции на шведскую территорию».

²⁸ Я. Я. Зутис. Указ. соч., стр. 78.

²⁹ Ввиду спорности толкования статьи VII Ништадтского мира мы приводим ее полный текст: «Его царское величество обещает также наисильнейшим образом, что он в домашние дела королевства Свейского, яко же в позволенную единогласно и от чинов королевства под присягою учиненную форму правительства и образ наследства мешаться не будет, никому, кто б ни был в том прямым, ни посторонним и никаким образом вспомогать не будет: но паче к показанию истинно-соседской дружбы, все, что против того вознамеренно будет, и его царскому величеству известно учинится, всяким образом мешать и предупреждать искать изволит» (Л. А. Никитин. Указ. соч., стр. 481—482).

³⁰ АВПР, Сношения России со Швецией. 1723, г., № 4, лл. 5—6, рескрипт М. П. Бестужеву от 28 января 1723 г.

³¹ Там же, № 31, л. 5, «Краткая и перечневая выписка из заключенного между его императорским величеством Петром Первым и королем шведским Фридрихом Первым в Нейштате... трактата вечного мира», август 1723 г.

³² Там же, 1730 г., № 3, лл. 37—38, рескрипт Н. Ф. Головину от 10 декабря 1730 г.

Но, по мнению Б. Сигбана, суть вопроса составляет не русская интерпретация статьи VII (обязательство гарантии Россией шведского государственного устройства), а шведское толкование этой статьи. Б. Сигбан пытается утверждать, что будто бы «со шведской стороны считали», что статьей VII Швеция получила только «формальную гарантию против русского вмешательства в шведские дела» и ничего более. Подобное однобокое толкование статьи VII искажает ее подлинный смысл и игнорирует ее первоначальную интерпретацию самими шведскими дипломатами — современниками Ништадтского договора.

Шведское правительство, добиваясь включения статьи VII в Ништадтский трактат, стремилось прежде всего обеспечить незыблемость шведской конституции 1720 г. В этом была его главная цель и это стремление соответствовало интересам партии «патриотов» и голстинской партии, но, конечно, не могло импонировать шведскому королю и его партии. Шведским уполномоченным О.-Р. Штремфельду и И. Лиленштедту удалось на Ништадтском конгрессе достигнуть «соглашения о невмешательстве» России. Но надо сразу же пояснить, о каком «невмешательстве» идет в данном случае речь? Прежде всего следует заметить, что шведская дипломатия добивалась невмешательства России в шведские внутренние дела не вообще, а конкретно — с целью изменения формы правления 1720 г. И, действительно, первая часть статьи VII говорит о том, что царь не будет вмешиваться («мешаться не будет») в «позволенную единогласно и от чинов королевства под присягою учиненную форму правительства и образ наследства».

Сохранение шведской конституции 1720 г. соответствовало интересам царского правительства, и оно охотно согласилось не вмешиваться во внутренние дела Швеции с целью изменения именно этой конституции. Более того, в тексте статьи VII говорится, что если бы кто-либо попытался изменить конституционный статус 1720 г., то царское правительство «никому, кто б ни был» в этом «вспомогать не будет».

Б. Сигбан допускает ошибку, противопоставляя первую часть статьи VII второй ее части. Он заблуждается, когда приписывает «шведской стороне» понимание статьи VII только как «получение формальной гарантии против русского вмешательства в шведские дела» и как «обязательства царя «не вмешиваться в „домашние дела“» Швеции.

Обе части статьи VII не содержат в себе никаких противоречий и взаимно дополняют друг друга. В целом статья VII посвящена одному и тому же вопросу — гарантии шведской формы правления 1720 г. и условиям ее сохранения. Таким образом, статьей VII русское правительство взяло на себя три обязательства: 1) самому не вмешиваться во внутренние дела Швеции с целью изменений формы правления 1720 г., 2) никому не оказывать поддержки в подобном вмешательстве, 3) в случае необходимости оказать помощь шведской стороне в сохранении ее государственного устройства.

В период феодализма такое вмешательство одного государства во внутренние дела другого рассматривалось как правомерное явление на основании соглашения о гарантии и по приглашению одной из сторон в случае междоусобиц³³. Лучшим подтверждением именно подобной трактовки статьи VII шведами-современниками является их прямое обращение, на основании данной статьи, за поддержкой к Петру I в момент, когда Фредрик I в 1723 г. пытался изменить форму правления и восстановить абсолютизм.

³³ В. Э. Грабарь. Материалы к истории литературы международного права в России, М., 1958, стр. 398—399. Нелишним будет заметить, что и французы тоже рассматривали статью VII как гарантию шведского государственного устройства, аналогичную гарантию шляхетской Польши: «Recueil des instructions...» t. II, p. LXXXVIII.

Но позднее шведские политики пытались иначе трактовать содержание статьи VII и отстаивать диаметрально противоположную точку зрения. Они начали истолковывать эту статью как принятое русским правительством обязательство не вмешиваться во внутренние дела Швеции вообще. В конечном счете вопрос о сохранении шведской формы правления 1720 г., как и толкование статьи VII Ништадтского договора, решался в XVIII в. не юристами международного права, а реальным соотношением борющихся сил на международной арене³⁴.

Помимо поддержки шведского дворянства в вопросе о сохранении формы правления, русское правительство в 20-х годах XVIII в. было солидарно с голштинской партией и в вопросе о шведском престолонаследии. Голштинская партия мечтала видеть на шведском престоле голштинского герцога Карла-Фридриха, находившегося с 1721 г. в России под покровительством Петра I, прочившего его в мужья своей дочери Анне Петровне.

Петровское правительство, не допуская умаления собственных интересов, гибко и тонко использовало претензии голштинского герцога на шведский престол и на Шлезвиг, завоеванный Данией, как «орудие» дипломатического нажима на Швецию в целях политического сближения с нею, как удобное средство для достижения в Швеции благожелательной обстановки, исключавшей возможность новой агрессии против России³⁵. Русскому послу в Стокгольме предписывалось поддерживать дружественные отношения с голштинской партией, добиваться получения для голштинского герцога титула «королевского высочества», а также не терять из виду необходимости признания риксдагом наследственных прав герцога на шведскую корону³⁶.

Но и отношение голштинской партии к России было далеко не бескорыстным. Ее представители определенно рассчитывали на то, что с помощью женитьбы голштинского герцога на дочери Петра I удастся возвратить прибалтийские провинции Швеции. Именно эти тайные планы и толкали голштинскую партию на сближение с Россией.

Несмотря на катастрофу, которой окончилась для Швеции Северная война, ее господствующий класс не отказался от мысли о реванше.

Поэтому русской дипломатии приходилось действовать в Швеции в сложнейшей политической обстановке, зорко следя за интригами и комбинациями, возникавшими среди ее партийных группировок.

Русский посланник М. П. Бестужев прибыл в Стокгольм 30 января 1722 г.³⁷. Страна, в которую он был аккредитован, находилась в состоянии сильной экономической разрухи. В своих первых донесениях М. П. Бестужев сообщал об упадке шведской промышленности и сельского хозяйства, о том, что финансы расстроены, флот за время Северной войны потерял почти $\frac{2}{3}$ своего довоенного состава, армия испытывает недостаток в вооружении и обмундировании, пограничные крепости пребывают в ветхости, в стране царит политическая анархия и идет непрекращающаяся борьба партийных группировок.

Важным итогом наблюдений М. П. Бестужева явился вывод о неспособности Швеции в настоящий момент к войне с Россией ввиду ослабления шведского военного потенциала и отсутствия единства взглядов на задачи внешней политики среди шведских политических

³⁴ Я. Я. Зутис. Указ. соч., стр. 78.

³⁵ А. И. Остерман. Указ. соч., стр. 50—51; «British Diplomatic Instructions», vol. I. London, 1922, p. 174; ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. I, № 22, лл. 442—447, «голштинские предложения», март 1722 г.; М. А. Полиевктов. Указ. соч., стр. 97, 102—103, 119—120.

³⁶ АВПР, Сношения России со Швецией, 1721 г., № 11, лл. 12—21, инструкция М. П. Бестужеву от 20 ноября 1721 г.; 1722 г., № 4, лл. 66—70, инструкция М. П. Бестужеву от 7 декабря 1722 г.; А. И. Остерман. Указ. соч., стр. 56—61.

³⁷ АВПР, Сношения России со Швецией, 1722 г., № 6, л. 5.

кругов. Вместе с тем Бестужев заметил, что шведское дворянство все же не оставляло мысли о реванше, хотя в данное время и было радо окончанию изнурительной войны. Но уже в 1723 г. на заседаниях риксдага был поднят вопрос о восстановлении «обороноспособности» страны, а также и о возрождении активного военного флота³⁸.

Пристальное изучение Швеции позволило М. П. Бестужеву сделать и другое важное заключение. Шведское дворянство, сообщал он, только своими собственными силами, без серьезной финансовой и политической поддержки западно-европейских держав не сможет в ближайшее время вновь предпринять нападение на Россию. Из этого обстоятельства для русского правительства, естественно, вытекала задача укрепления, в противовес английскому, русского влияния в Швеции с целью предотвращения угрозы новой агрессии.

Сближение России со Швецией являлось вернейшим залогом упрочения и гарантии русских завоеваний в Прибалтике. С целью усиления своего влияния в Стокгольме царская дипломатия использовала различные средства³⁹. Одним из них была поддержка привязанностей голштинской партии к герцогу Карлу-Фридриху. В течение 1722—1725 гг. позиции голштинских приверженцев в Швеции заметно укрепились благодаря их надеждам на помощь, которую рассчитывал получить Карл-Фридрих со стороны Петра и Екатерины I. Широко использовало царское правительство в своих интересах претензии шведских подданных на поместья, находившиеся в отошедших к России прибалтийских провинциях⁴⁰. Особенно быстро рассматривались и удовлетворялись претензии именно той части шведской титулованной знати, которая, находясь в составе правительства или в риксдаге, проявляла „доброжелательность” к русскому правительству⁴¹.

Несмотря на это, реализация дипломатической программы русского правительства в Швеции встретила серьезные трудности, усугублявшиеся резко враждебным отношением к России шведского короля, его партии и стоящих за их спиной Англии — Ганновера и Дании. Русской дипломатии приходилось преодолевать массу препятствий на пути осуществления ее планов. Когда М. П. Бестужев сделал представление о признании императорского титула Петра I, то шведские министры незамедлительно потребовали взамен удовлетворения русским правительством ряда претензий: уступки Виролакского залива и некоторой части территории около Кексгольма (при разграничении земель в Финляндии по Ништадтскому трактату), а при заключении русско-шведского торгового договора — дарования шведам особых выгодных привилегий в России по сравнению с правами, предоставлявшимися там другим нациям⁴². Помимо этого, через французского посла Ж. Кампредона шведский король потребовал отказа Петра I от вступления в какие-либо соглашения с голштинским герцогом и удаления его от русского двора⁴³.

³⁸ АВПР, Сношения России со Швецией, 1723 г., № 6, лл. 416—428, рейхсбешлюс (постановление) риксдага от 17 октября 1723 г.; 1730 г., № 5, лл. 492—493, 498, 504, 564—567, инструкция шведской Военной коллегии (октябрь 1723 г.); Г. Кирхгоф. Влияние морской силы в Балтийском море на историю прибалтийских государств в XVII и XVIII столетиях, СПб., 1908, стр. 383.

³⁹ «British Diplomatic Instructions», vol. I, p. 171—172; Сб. РИО, т. 58, стр. 568—570.

⁴⁰ АВПР, Сношения России со Швецией, 1721 г., № 11, лл. 12—21; 1722 г., № 4, лл. 71—77; № 6, лл. 12—13; Я. Я. Зутис. Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII в., М., 1937, стр. 192—193.

⁴¹ Там же, 1723 г., № 4, лл. 107—108; 1724 г. № 5, л. 85; № 16, л. 3.

⁴² Там же, 1722 г., № 6, лл. 63, 68—69, реляции М. П. Бестужева от 25 июня и 11 июля 1723 г.

⁴³ Там же, 1722 г., № 4, лл. 17—18, рескрипт М. П. Бестужеву от 22 июня 1722 г.

Русское правительство упорно настаивало на признании Швецией императорского титула Петра I без всяких оговорок и претензий, считая предосудительным для чести Российского государства покупать это признание у шведов на каких-либо условиях⁴⁴. Но шведский Государственный совет под всякими предлогами в течение целого года откладывал это признание, как и переговоры о разграничении земель в Финляндии. Тогда М. П. Бестужеву стало ясно, что без созыва риксдага вопрос об императорском титуле не разрешится⁴⁵.

17 января 1723 г. в Стокгольме был созван риксдаг, который заседал в сложной внутренней и международной обстановке. Династические и абсолютистские устремления короля, выявившиеся на заседаниях риксдага, предельно обострили партийные взаимоотношения⁴⁶. Испуганные стремлениями Фредрика I возродить абсолютизм и низвергнуть форму правления, члены партии «патриотов», возглавляемые первым министром графом А. Горном, примкнули к сторонникам партии голштинского герцога. Это объединение партийных сил чрезвычайно усилило враждебный королю фронт, а вместе с тем и позиции русской дипломатии в Швеции⁴⁷.

Деятели голштинской партии и партии «патриотов» еще в декабре 1722 г., до созыва риксдага, заявили М. П. Бестужеву о своем намерении обратиться к русскому правительству с просьбой о помощи в случае угрозы со стороны короля дальнейшему существованию формы правления⁴⁸. Шведское дворянство предполагало направить в Россию «депутацию» с требованием выполнения обязательств, взятых ею по статье VII Ништадтского договора о русской гарантии шведской формы правления. Представители блокировавшихся в риксдаге партий рассчитывали, что Петр I даст тогда «войска и галер для охранения их (шведских.— Г. Н.) вольностей»⁴⁹.

Итак, по прошествии менее двух лет со дня подписания Ништадтского договора содержание статьи VII стало действительно актуальным. Шведские политические круги, по собственной инициативе, обратились к русскому правительству с просьбой о реализации взятых им в отношении Швеции обязательств по охране (гарантии) ее государственного устройства. Хотя Б. Сигбан и пытается поставить под сомнение настоящую трактовку статьи VII, но подлинные исторические факты подтверждают, что только в таком плане толковали смысл указанной статьи тогдашние шведские политические деятели, обратившиеся за помощью к Петру I.

В ответ на шведскую просьбу М. П. Бестужеву повелевалось обнадежить «всех добрых патриотов» в том, что русское правительство не отказывается от выполнения взятого на себя обязательства по статье VII Ништадтского договора и Швецию «сильным своим вспоможением оставить не изволит»⁵⁰. Эта русская декларация вызвала неописуемый восторг среди противников шведского абсолютизма Граф А. Горн, Де-

⁴⁴ АВПр, Сношения России со Швецией, 1722 г., № 4, лл. 33—42, рескрипт М. П. Бестужеву от 29 августа 1722 г.

⁴⁵ Там же, № 6, лл. 121, 155, реляция М. П. Бестужева от 10 октября и 12 декабря 1722 г.; № 3, лл. 30—31, рескрипт М. П. Бестужеву от 22 июня 1722 г.; 1723 г., № 7, лл. 1—4; № 6-а, л. 25.

⁴⁶ Там же, 1722 г., № 6, лл. 156, 163—164; 1723 г., № 6, лл. 145, 157, 217; № 6-а, лл. 110, 127—130; № 20, лл. 8—10.

⁴⁷ Там же, 1722 г., № 6, л. 156; 1723 г., № 6, лл. 68, 91—92, 145; № 6-а, лл. 46, 63, 75; № 7, лл. 31—32.

⁴⁸ Там же, 1722 г., № 6, лл. 156, 163—164, реляция М. П. Бестужева от 12 и 26 декабря 1722 г.

⁴⁹ Там же, 1723 г., № 6-а, лл. 127—130, реляция М. П. Бестужева от 18 февраля 1723 г.

⁵⁰ Там же, № 6, лл. 91—92, реляция М. П. Бестужева от 8 апреля 1723 г.; 1726 г., № 7.

лагарди и другие члены партии «патриотов» просили М. П. Бестужева благодарить Петра I за такую «великую милость»⁵¹.

В реляциях от 17 и 24 июня 1723 г. М. П. Бестужев вновь повторил аналогичную просьбу «доброжелательных»⁵² о помощи: представители голштинской партии молили о том, чтобы русский флот доставил голштинского герцога к шведским берегам для достижения успехов в деле герцога и для «пристрастия» короля и его партии⁵³.

В связи с этими обстоятельствами весной 1723 г. у русского правительства созрел план морской вооруженной демонстрации на Балтике. Подобным мероприятием Петр I стремился не только ускорить разрешение в риксдаге вопросов о своей титулатуре и титулатуре голштинского герцога, о разграничении земель в Финляндии, о конфирмации Ништадского трактата, но прежде всего добиться главного — заключения со Швецией оборонительного союзного договора, а если удастся, и утверждения шведского престолонаследия за голштинским герцогом⁵⁴. В соответствующем духе и был составлен секретный правительственный рескрипт М. П. Бестужеву от 27 июня 1723 г., отправленный в Стокгольм с особым курьером — прапорщиком кн. Ф. Мещерским⁵⁵. При этом русская дипломатия старалась отвлечь агрессивные силы Швеции от настоячивых устремлений в сторону Восточной Прибалтики⁵⁶ исосредоточить их внимание на Северной Германии. Шведское дворянство, по мысли царской дипломатии, должно было надолго «увязнуть» в Северной Германии, стремясь сохранить ее за собою, и тогда скорее забыло бы потерянные остзейские провинции⁵⁷.

2 июля 1723 г. кронштадтская военная эскадра направилась к Ревелю, где соединилась с ревельской эскадрой. Отсюда русский Балтийский флот, в составе 24 линейных кораблей и 5 фрегатов, с 12,5 тыс. экипажа во главе с Петром I вышел 12 июля к Рогервику. С флотом находились русские министры и голштинский герцог⁵⁸. Петр I требовал, чтобы М. П. Бестужев сообщил из Стокгольма пожелания «доброжелательных», «куда и к каким берегам шведским с флотом нашим приближатца и какое впротчем движение оным учинить, что мы по желанию их исполнить готовы»⁵⁹. Петр I поступал в этом деле с крайней осторожностью, требуя точных указаний от самих шведских политических деятелей, «чтоб вместо пользы иногда без временное подозрение не подать»⁶⁰.

Русская морская демонстрация 1723 г. была подготовлена в обстановке глубочайшей тайны. Выход в море Балтийского флота вызвал бурю беспокойства среди иностранных посланников в Петербурге и их правительств, не знавших истинной цели русской демонстрации⁶¹.

Шведский посланник в Петербурге Г. Цедеркрейц с нескрываемым волнением сообщил своему правительству о военно-морских приготовлениях России⁶². Это известие особенно встревожило представителей

⁵¹ Там же.

⁵² Так в донесениях М. П. Бестужева из Стокгольма назывались члены голштинской партии («доброжелательной» по отношению к России).

⁵³ АВПР, Сношения России со Швецией, 1723, № 6, лл. 218, 228, реляция М. П. Бестужева от 17 и 24 июня 1723 г.

⁵⁴ Там же, 1723 г., № 6, лл. 93, 146; № 4, л. 55.

⁵⁵ Там же, № 4, лл. 57—60, рескрипт М. П. Бестужеву от 27 июня 1723 г. Он был получен 7 июля 1723 г. (там же, № 6, л. 238, реляция М. П. Бестужева от 8 июля 1723 г.).

⁵⁶ O. Jägerskiöld. Указ. соч., стр. 16—17.

⁵⁷ А. И. Остерман. Указ. соч., стр. 60—61.

⁵⁸ М. А. Полиевктов. Указ. соч., стр. 153—156.

⁵⁹ АВПР, Сношения России со Швецией, 1723 г., № 4, лл. 63—64, рескрипт М. П. Бестужеву от 5 июля 1723 г. из Ревеля. М. П. Бестужев его получил в Стокгольме 11 июля 1723 г. (там же, № 6, л. 242, реляция М. П. Бестужева от 15 июля 1723 г.).

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Сб. РИО, т. 49, стр. 353—359; М. А. Полиевктов. Указ. соч., стр. 153—156.

⁶² АВПР, Сношения России со Швецией, 1723 г., № 6, л. 245, реляция М. П. Бестужева от 15 июля 1723 г.

королевской партии и партии «патриотов»⁶³. Хотя «патриоты» ранее сами считали необходимым вмешательство русского правительства для подавления абсолютистских замыслов Фредрика I, но теперь, несомненно, испугались этого вмешательства, так как оно могло бы принести России нежелательный для них успех в вопросе о шведском престолонаследии.

Непосредственной политической реакцией на подготовку русского флота к выходу в море явилось незамедлительное согласие шведского короля признать императорский титул Петра I и титул «королевского высочества» за голштинским герцогом⁶⁴, подтвердить Ништадтский договор⁶⁵ и урегулировать вопрос о границах с Россией в Финляндии⁶⁶.

В то время как в Стокгольме известия о подготовке русской морской демонстрации ускорили удовлетворение некоторой части дипломатической программы русского правительства, Балтийский флот во главе с Петром I в ожидании указаний со стороны «доброжелательных» о месте приближения к шведским берегам и о характере его действий, курсировал между Ревелем и Рогервиком.

Однако «доброжелательные», по просьбе которых русский флот вышел в море, испугались решительных мероприятий Петра I. Теперь они, совместно с членами партии «патриотов», просили императора удержаться от требования утвердить наследование шведского престола за голштинским герцогом, не приближаться с флотом к шведским берегам и не предпринимать каких-либо действий, могущих вызвать подозрение у шведов. Сверх того они заявили о своем согласии вступить с русским правительством в более тесное союзное обязательство⁶⁷. Петровское правительство пунктуально выполнило все шведские пожелания, выразив сожаление о том, что «доброжелательные так скоро себя в мнениях своих отменили»⁶⁸.

В рескрипте от 27 июля 1723 г. М. П. Бестужеву предписывалось сделать шведскому правительству формальное предложение о союзе, подтвердить верность взятому Россией обязательству гарантии шведской формы правления и обещать гарантировать все то, что «чины государственные еще вяще для содержания своих прерогатив и вольностей, иногда постановят»⁶⁹. Из слов данного рескрипта с абсолютной точностью можно установить, в каком духе трактовало русское правительство содержание статьи VII Ништадтского договора. Оно и впредь предлагало гарантировать те новые постановления риксдага, которые еще более будут направлены к охране «прерогатив и вольностей» шведских сословий. Для нас важно заметить, что русские предложения о гарантиях, как и толкование статьи VII Ништадтского трактата, не вызывали возражений со стороны шведского правительства, которое в 1721—1724 гг. интерпретировало смысл статьи VII аналогично русскому и французскому толкованию.

28 июля 1723 г. Петр I прибыл из Ревеля в Петербург «сухим путем»⁷⁰, а вслед за ним 5 августа 1723 г. возвратилась в Кронштадт русская эскадра⁷¹.

Морская демонстрация на Балтике в 1723 г., показавшая мощь русского флота и его превосходство над флотами «северных» держав, несомненно, имела значительный успех. Хотя она и не разрешила полностью все те задачи, которые перед ней были поставлены русским прави-

⁶³ АВПР, Сношения России со Швецией, 1723 г., № 6, л. 228.

⁶⁴ Там же, № 6, лл. 198, 222, 228—229; № 4, л. 127.

⁶⁵ Там же, № 6, л. 274, протокол конфирмации от 13 июля 1723 г.

⁶⁶ Там же, лл. 239, 250.

⁶⁷ Там же, № 6, лл. 242—244, реляция М. П. Бестужева от 15 июля 1723 г.

⁶⁸ Там же, № 4, л. 68, рескрипт М. П. Бестужеву от 27 июля 1723 г. из Ревеля

⁶⁹ Там же, лл. 4, 41—42, 68, рескрипты М. П. Бестужеву от 10 мая и 27 июля 1723 г.

⁷⁰ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. I, № 27, л. 9, журнал 1723 г.

⁷¹ М. А. Полиевктов. Указ. соч., стр. 157.

тельством, но бесспорно способствовала принятию риксдагом важного решения о заключении оборонительного союзного договора с Россией и ускорению переговоров с ней⁷².

В течение осени 1723 и зимы 1724 г. между Россией и Швецией шли интенсивные переговоры о союзе. Петровское правительство было в нем несомненно заинтересовано: с помощью русско-шведского союза Россия рассчитывала обеспечить «долговременную безопасность от всякого шведского нападения», еще более укрепить свои позиции на Балтийском море, сохранять «баланцию» (равновесие) на Балтийском море и вновь попытаться утвердить шведское престолонаследие за герцогом Карлом-Фридрихом⁷³.

Шведское правительство, в котором в это время усилилось влияние голштинской партии, тоже проявляло интерес к союзу с Россией⁷⁴. Данный союз обещал наилучшие гарантии шведской формы правления со стороны царского правительства, вполне удовлетворявшие дворянскую олигархию⁷⁵. Кроме того, политические круги Швеции надеялись благодаря браку Карла-Фридриха с дочерью Петра I получить обратно Прибалтику, а также с помощью России вернуть герцогу его наследственные немецкие земли, завоеванные Данией. По их мнению, возвращение Шлезвига могло бы после возведения Карла-Фридриха на шведский престол, с одной стороны, отчасти компенсировать Швеции потерю ею ряда земель в Северной Германии, а с другой стороны, открыть Швеции заманчивые перспективы их последующего возвращения⁷⁶.

Заключением союза с Россией шведское правительство стремилось укрепить свой упавший в годы Северной войны международный престиж. В Швеции рассуждали так: если Россия со Швецией «праведно и заодно между собою поступать будут, то нетокмо великие аванжаи себе присовокупят, но и права другим державам предписывать могут»⁷⁷. Итак, феодально-дворянская Швеция не оставляла надежды на возрождение шведского великодержавия и определенно мечтала о том, чтобы вновь высокомерно «предписывать права» другим государствам.

Риксдаг, тщательно взвесив все преимущества союза с Россией, вынес решение о его заключении⁷⁸.

Наконец после длительных переговоров 22 февраля 1724 г. в Стокгольме был подписан оборонительный союзный договор между Россией и Швецией на 12 лет (Стокгольмский трактат). По этому трактату договаривающиеся стороны обязались оказывать друг другу военную помощь в случае нападения на одну из них какой-либо «христианской европейской державы». Подобной оговоркой шведское правительство исключило из договора обязательство помощи России в случае нападения на нее турецкого султана⁷⁹.

Наибольший интерес представляли две секретные статьи договора: о способах возвращения голштинскому герцогу Шлезвига и о гарантиях Россией и Швецией польского государственного устройства.

Голштинский вопрос в Стокгольмском трактате затронут с исключительной осторожностью: договаривающиеся стороны обязались прило-

⁷² М. А. Полиевктов. Голштинский вопрос и политика России на Балтийском море в первой половине XVIII в., «Русская старина», январь 1907 г., стр. 652—653.

⁷³ А. И. Остерман. Указ. соч., стр. 56—61.

⁷⁴ АВПР, Сношения России со Швецией, 1723 г., № 6, лл. 245, 256, 304, 327—328; 1724 г., № 5, лл. 6, 9, 98—99; № 8, лл. 8—10; «Recueil des instructions...», t. II, p. 305; И. Андерссон. Указ. соч., стр. 262.

⁷⁵ А. И. Остерман. Указ. соч., стр. 56—61.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ АВПР, Сношения России со Швецией, 1724 г., № 5, л. 110, реляция М. П. Бестужева от 28 марта 1724 г.; 1725 г., № 14, лл. 6—7.

⁷⁸ Там же, 1723 г., № 6, лл. 281—282, 304, 333, 403, 428, 437.

⁷⁹ Там же, лл. 500—515, протокол конференции М. П. Бестужева со шведскими министрами от 13 ноября 1723 г.

жить «добрые официи» при датском и других дворах для возвращения герцогу Шлезвига. В случае невозможности добиться этого дружественным путем союзники обещали «учинить концерт» с привлечением Австрии и других держав для обсуждения вопроса, каким «наилучшим образом» его можно будет разрешить⁸⁰. Русское правительство не брало на себя никаких обременительных и осложняющих его положение обязательств и сформулировало эту статью договора довольно уклончиво и неопределенно, исходя из собственных государственных интересов⁸¹.

Второй «секретный артикул» Стокгольмского договора гарантировал существовавшее польское государственное устройство со стороны России и Швеции. Русское и шведское правительства были заинтересованы в сохранении слабой шляхетской Польши, раздираемой внутренними противоречиями. Они стремились «охранять» шляхетские «вольности» и привилегии пакта конвента и прочие атрибуты дворянской «республики»⁸².

Данная гарантия польского государственного устройства не являлась «редкостью» для XVIII в. и по существу была аналогична статье VII Ништадского договора, гарантировавшей шведскую форму правления со стороны России.

Кроме политических вопросов, Стокгольмский трактат отчасти регулировал торговые отношения России со Швецией. В его «сепаратном артикуле» за Швецией утверждалось право беспошлинного вывоза из России на сумму в 50 тыс. руб. пеньки, льна и мачт для нужд шведского адмиралтейства, сверх определенного ранее Ништадтским трактатом права беспошлинного вывоза на такую же сумму хлеба⁸³. Во время переговоров о заключении Стокгольмского договора шведские уполномоченные довольно откровенно мотивировали эту торговую статью тем, что ввиду заключения союза в России шведы могут «некоторое вспоможение с другой страны потерять», поэтому для возмещения убытков они и желают получить право беспошлинного вывоза из России указанных товаров⁸⁴.

Хотя русское правительство рассматривало последнее обязательство и условие о поставке большого числа вспомогательных войск для себя «отчасти тяжкими», но «для показания своего снисходительства» к Швеции оно и на них согласилось⁸⁵.

В трактате высказывалось пожелание о скорейшем заключении особого торгового договора между Россией и Швецией, но шведское правительство, усиленно тормозившее развитие нормальных отношений с Россией, в дальнейшем всячески уклонялось от его подписания⁸⁶.

Стокгольмский трактат 1724 г. был прямым следствием и непосредственным развитием Ништадтского договора 1721 г. Именно в таком смысле и расценивала Стокгольмский трактат русская дипломатия, включившая в его текст слова: «в Нейштате заключенный мир якобы здесь вновь повторен»⁸⁷.

Подписывая договор 1724 г., русское правительство рассчитывало получить «долговременную безопасность от всякого шведского нападения» и еще более укрепить свои позиции на Балтике⁸⁸. Являясь важ-

⁸⁰ АВПР, Сношения России со Швецией, 1724 г., № 12, лл. 1—12, Стокгольмский договор 1724 г. («секретный артикул» о Шлезвиге).

⁸¹ Там же, 1723 г., № 4, лл. 17, 32—33, 85—90, 106, 118, рескрипт М. П. Бестужеву от 18 октября 1723 г.; № 6, лл. 500—515; ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. I, № 22, лл. 447—448, письмо Петра I голштинскому герцогу от 18 апреля 1722 г.

⁸² Там же, 1724 г., № 12, лл. 1—12, Стокгольмский договор 1724 г. («секретный артикул» о Польше).

⁸³ Там же, 1729 г., № 7, л. 11.

⁸⁴ Там же, 1723 г., № 6, лл. 500—515.

⁸⁵ Там же, № 4, лл. 134—149.

⁸⁶ Там же, 1735 г., № 7, лл. 31 и сл., заметки «О коммерции».

⁸⁷ Там же, 1724 г., № 12, л. 2, Стокгольмский трактат 1724 г.

⁸⁸ А. И. Остерман. Указ. соч., стр. 56—64.

ным, хотя и коротким этапом на пути установления и развития добрососедских отношений между двумя странами, трактат сыграл серьезную роль в укреплении политического и стратегического положения России на Балтике и в Европе. В частности, он заметно укрепил положение России в Польше («польский артикул» трактата).

Послужив делу мира на севере, Стокгольмский договор позволил России обезопасить тыл на случай турецкого нападения и укрепить свои позиции в Турции.

Русское правительство планировало в дальнейшем присоединить к Стокгольмскому трактату Австрию⁸⁹. Эти планы встречали сочувствие в Вене ввиду общности интересов Австрии и России в отношении агрессивной Турции. В апреле 1726 г. Австрия присоединилась к русско-шведскому союзу, что было этапом на пути заключения в июле 1726 г. русско-австрийского союзного договора. Следовательно, русско-шведский союз 1724 г. был важным звеном в цепи дипломатических мероприятий русского правительства, направленных на дальнейшее упрочение международного положения России.

С 1724 г. стали укрепляться дружественные отношения между Россией и Швецией. Русское правительство в 20-х годах XVIII в. посылало в Швецию ученых (В. Н. Татищева), архитекторов (М. Г. Земцова) и своих специалистов для ознакомления с производством и строительством. Туда же направлялись русские юноши для обучения⁹⁰.

В Россию приглашались шведские архитекторы (Н. Тессин), скульпторы и медальеры⁹¹. Шведские инженеры и горные мастера служили на уральских металлургических заводах, изучая их и передавая опыт шведской металлургии. В то же время шведы пользовались русской техникой. Например, русская специальная машина для вытаскивания кораблей, сделанная в Петербурге, работала в 1725 г. в шведской военной гавани Карлскруне⁹².

Выписывались и переводились на русский язык шведские книги, брошюры и журналы. А в Швеции, в свою очередь, проявлялся интерес к русской культуре и фольклору⁹³.

Налаживались в 20—40-х годах XVIII в. научные связи русских ученых со шведскими учеными — Питером Варгентиным, Карлом Линнеем и др.⁹⁴. Шведские ученые интересовались русской наукой и изучали русские книги. Так, в 1749 г. Н. И. Панин по просьбе графа К.-Г. Тессина послал ему атлас Российской империи и каталоги библиотеки Петербургской Академии наук и «Кабинета курьезитетов»⁹⁵. Впоследствии русско-шведские научные связи все более расширялись. Как известно, в 60-х годах XVIII в. М. В. Ломоносов был избран членом шведской академии, а шведский ботаник Иоганн-Петр Фальк стал членом русской Академии наук и директором Ботанического сада в Петербурге⁹⁶.

Однако в целом русско-шведские культурные связи в 20—40-х годах XVIII в. были эпизодичны и непостоянны. Они возникали спорадически и не приобрели систематического характера. Главной причиной слабо-

⁸⁹ АВПР, Сношения России со Швецией, 1723 г., № 4, л. 112, рескрипт М. П. Бестужеву от 25 октября 1723 г.; № 7, л. 101; 1724 г., № 5, л. 5.

⁹⁰ Там же, 1724 г., № 5, л. 89; 1726 г., № 5а, лл. 64—68.

⁹¹ Там же, 1731 г., № 3, л. 22, рескрипт Н. Ф. Головину от 28 июня 1731 г.; № 6, л. 422, реляция Н. Ф. Головина от 23 июля 1731 г.; 1744 г., № 8, рескрипт генералу Д. Кейту от 3 апреля 1744 г. (док. № 11); ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, оп. 9/4, № 74, лл. 99—105; № 93, лл. 429—453.

⁹² ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, № 74, л. 3. Дневная записка В. Н. Татищева, сентябрь 1725 г., Карлскруна.

⁹³ АВПР, Сношения России со Швецией, 1731 г., № 4, л. 10; № 6, лл. 33—34, 170.

⁹⁴ Сб. «XVIII в.», М.—Л., 1959, № 4, стр. 327, 329, 331—333; «Скандинавский сборник», Таллин, 1959, № 4, стр. 67.

⁹⁵ АВПР, Сношения России со Швецией, 1749 г., № 4, ч. II, л. 318; ч. III, л. 6.

⁹⁶ «Проблемы источниковедения», 1959, т. VIII, стр. 185.

сти культурного общения между Россией и Швецией являлась напряженность в их политических взаимоотношениях, препятствовавшая нормализации добрососедских связей.

Если на отдельных этапах русско-шведских отношений тенденция шведского реванша и приглушалась, уступая место кратковременной стабилизации мирных, добрососедских связей, как это было, например, в последние годы петровского царствования (1722—1725 гг.) или в начале 30-х годов XVIII в., то в остальное время наблюдалась неустойчивость внешнеполитической линии шведского правительства. Агрессивные круги Швеции вздыхали об утраченном господстве на Балтике и потерянных провинциях. Русский посланник в Дании А. П. Бестужев еще в июле 1722 г. писал, что России «на постоянность дружбы швецкой весма полагаться и верить никоим образом невозможно»⁹⁷.

Действительно, в шведских политических сферах хорошо понимали, что Швеция получила «дорогой мир»⁹⁸. Шведское дворянство скорее предпочитало утрату своих германских провинций, чем остзейского побережья⁹⁹. В одном шведском анонимном памфлете, распространявшемся королевской партией весной 1723 г., с сожалением вспоминались те времена, когда русские на Балтийском море «ни лоточкою (лодочкою.— Г. Н.), ни ботиком командовать не могли», теперь же, с утратой Швецией господствующего положения на Балтике, все досталось русским, «а мы (шведы.— Г. Н.) на здешней стороне сидим при откровенных ш[х]ерах, в неукрытой земле и в одной руке имеем внутреннее несогласие, а в другой — несколько паргаминовых листов с пятью российскими литерами» (Ништадтский договор.— Г. Н.)¹⁰⁰.

Мысль о возвращении потерянных провинций не покидала шведские правящие круги. Они выжидали подходящей внешнеполитической обстановки для реализации этой идеи. Удобным моментом для нападения на Россию шведская дипломатия полагала русско-турецкую войну. Так, шведский посланник в Дании барон Адлерфельд в сентябре 1725 г. заявил: когда Россия, вмешавшись в войну с Турцией, ослабнет, тогда Швеция при этом или другом «благоудобном» случае «приложит способы» получить свои провинции обратно¹⁰¹.

Шведские политические деятели и дипломаты зорко следили за событиями в России и за международной обстановкой. Они были заинтересованы во внутренних «смутах» в русском государстве, в борьбе придворных группировок, в отсутствии внутривластного единства среди русского дворянства; они жаждали волнений и беспорядков, которые бы ослабили Россию и подготовили бы почву для реализации шведских агрессивных замыслов¹⁰². В годы правления премьер-министра графа А. Горна живучесть реваншистских тенденций в Швеции прикрывалась видимостью отказа от агрессии. До 1738 г. Горн проводил «мирную» внешнюю политику, накапливая внутренние материальные силы и считая пока преждевременным военное выступление против России.

⁹⁷ АВПР, Сношения России с Данией, 1722 г., № 5, л. 269, реляция А. П. Бестужева от 21 июля 1722 г. из Копенгагена.

⁹⁸ АВПР, Сношения России со Швецией, 1723 г., № 6, л. 63, копия письма Секретного аусшуса (Секретной комиссии) риксдага королю Фредрику I.

⁹⁹ М. А. Полиевктов. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721—1725), СПб., 1907, стр. 64.

¹⁰⁰ АВПР, Сношения России со Швецией, 1723 г., № 6, лл. 202—211, шведский памфлет 1723 г.: «Некоторого истинного патриота доброжелательное рассуждение о запросном от его князей светлости герцога голстинского предикате или титуле королевского высочества».

¹⁰¹ АВПР, Сношения России с Данией, 1725 г., № 4, лл. 296—297, реляция А. П. Бестужева от 25 сентября 1725 г. из Копенгагена.

¹⁰² «Recueil des instructions...», t. II, p. 331.

Падение правительства А. Горна в риксдаге 1738—1739 гг. и победа партии «шляп» явились прямым поворотом в политике шведского государства. С этого времени началась уже непосредственная дипломатическая и военная подготовка агрессии против России, закончившаяся войной 1741—1743 гг. и новым поражением Швеции.

* * *

Подведем итоги. Из истории международного права известно, что принцип невмешательства во внутренние дела других государств явился детищем буржуазных революций. Этот принцип был провозглашен, например, в 1776 г. в Декларации независимости США, а позднее в конституционном акте от 24 июня 1793 г. Великой Французской революции. В процессе этих буржуазных революций основные права и обязанности государств, в том числе и принцип невмешательства, были положены в основу законов, определивших их отношения с иностранными государствами и народами¹⁰³ (хотя надо сразу же подчеркнуть, что в международной практике буржуазных государств эти установления, как правило, потом не соблюдались).

Учитывая общий исторический фон и условия возникновения статьи VII Ништадтского договора, а также ее подлинное содержание, никак нельзя заключить, что данная статья трактата, составленного между двумя феодальными государствами в 1721 г., предвосхитила буржуазные принципы в международном праве. При всей сложности и кажущейся противоречивости формулировки статьи VII она отражала типические черты, характерные для международного права периода феодализма, т. е. принцип вмешательства одного государства в дела другого.

Несмотря на эти общеизвестные факты, Б. Сигбан, избирая объектом для специального разбора в газете «Svenska Dagbladet» статью VII Ништадтского договора, искажает ее подлинный смысл и произвольно истолковывает ее как шведско-русское «соглашение о невмешательстве», якобы нарушенное Россией. Оно модернизирует историю, явно стремясь подвести читателя к аналогии с международной политикой наших дней.

Но занятие это совершенно бесплодное. XX век совсем не похож на времена Ништадтского мира. В наши дни определяющее воздействие на ход событий, на все отношения между странами и народами оказывает внешняя политика СССР и других социалистических государств, диаметрально противоположная как политике откровенного вмешательства феодальных государств в дела друг друга, так и политике империалистического вмешательства капиталистических государств, маскируемой лицемерными фразами о «невмешательстве» и «свободе».

«Социализм противопоставляет империализму **новый тип международных отношений**, — справедливо говорится в новой Программе КПСС. — Внешняя политика социалистических государств, в основе которой лежат принципы мира, равноправия, самоопределения народов, уважения независимости и суверенитета всех стран, а также честные, гуманные методы социалистической дипломатии оказывают возрастающее влияние на мировую обстановку»¹⁰⁴.

Таковы те основные исторические факты и выводы, о которых не следовало бы забывать г-ну Б. Сигбану.

¹⁰³ Л. А. Моджорян. Основные права и обязанности субъектов международного права. «Советский ежегодник международного права 1958 г.», М., 1959, стр. 282—283.

¹⁰⁴ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 361—362.

